

ЕВАНГЕЛИЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: РЕЛИГИОЗНЫЙ И ПАТРИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

*Колесников С.А., канд. филол. наук, доцент кафедры теологии НИУ «БелГУ»,
г. Белгород*

Взаимодействие православия и русской художественной литературы имеет развернутую историю, восходящую к духовным вербально-художественным «проектам» Кирилла и Мефодия, к созданию национальной письменности. Одна из граней уникальности нашей национальной литературы, о чем зачастую забывают, состоит в том, что возникает эта литература одновременно с принятием христианства. Общая точка духовного рождения Руси как части христианского мира и рождения книжности и есть тот культуuroобразующий момент, придающей русской литературе особое сакральное звучание на протяжении столетий.

Сама ситуация зарождения высокохудожественной отечественной литературы религиозна и принципиально церковна: первичные жанровые формообразования являются гомилетическими (Слова Кирилла Туровского, Серафима Владимирского и др.), первичная семантика оригинальных произведений Киевской Руси – христологична и христоцентрична («Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Житие Бориса и Глеба»), онтологические и этико-аксиологические цивилизационные коды, фиксируемые в литературе, полностью формируются под влиянием церковной культуры.

Весьма малое число национальных культур в целом и литератур в частности своим возникновением совпадают с началом нового сакрального отчета времени. И именно русская книжная культура относится к таким уникальным духовным явлениям. Известное выражение «поэт в России больше, чем поэт» в афористичной форме иллюстрирует подобное сакральное, иногда завуалированное, но никогда не прекращающееся духовное звучание нашей литературы.

В процессе развития русской литературы появляется новое, христианское видение мировой истории и места русского государства в нем, появляется «вселенская» историография. Результатом таких позитивных процессов стала концепция политического и духовного единства, приведшая к преобладанию конструктивных тенденций в культуре в целом и в литературе в частности.

Агиография, летописание, дидактическая и ораторская проза, «хождения», церковно-литургические произведения, воинские повести – все жанровое внешнее многообразие изначально определялось внутренним духовным единством. Саморазрушительная агрессивность снималась христианским милосердием; герметизм, замкнутость – удивлением перед «миром Божиим», расширением параметров пространственных, временных и душевных масштабов; телесность, плотскость – аскетикой и святостью. Христианство предложило выстраивать идеал в формате духовной конгруэнтности, по «подобию», а не по ассоциации, как это было, в частности, в язычестве. Причем показательно, что язычество явило пример абсолютной бесплодности в

литературном аспекте, ведь от славянской языческой культуры до нас не дошло практически ни одного более-менее яркого литературного произведения, что еще более подчеркивается появлением таких фальшивок, как, например, «Велесова книга».

Вызовы, которым подвергалась отечественная культура – национальная раздробленность, нашествие татаро-монгол, трехсотлетнее иго, Смутное время и т. д. – неизбежно приобретали в литературном изображении сакральную тональность.

Но, можно уверенно утверждать, что кульминационного взлета в религиозном освещении исторических событий русская литература достигает к началу своего «золотого», девятнадцатого века. И в первую очередь, этот духовно-эстетический всплеск связан с Отечественной войной 1812 г.

Не всегда отмечаемый факт, но именно война с Наполеоном стала импульсом к появлению Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого. Эта война стала своеобразным прологом к возникновению русской литературы в ее всемировом значении.

Вспомним: юный Пушкин бежит от штатских лицейских преподавателей в казармы Лейб-гвардии гусарского полка, расквартированного в Царском селе, получая там первый опыт любви к Родине. Конечно, там обретался еще и опыт любви к вину и женщинам – бегал-то он в гусарский полк, где, по воспоминаниям, «любимым его собеседником был гусар Петр Каверин, один из самых лихих повес в полку». Но в этом же полку он встретил и того самого Петра Чаадаева, как его называли, «странного» гусара, участвовавшего в битве при Бородино, в штыковой атаке на Кульме...

Именно это общение Пушкина с непосредственными участниками войны 1812 года и можно считать началом процесса превращения в мужчину, а главное – в Поэта.

У М. Ю. Лермонтова, что весьма показательны, именно «Бородино» являлось первым произведением, напечатанным по воле автора и впервые подписанное его именем. Именно с «Бородино» Лермонтов начинает самого себя считать подлинным русским поэтом, именно с темы войны 1812 г. начинается он свой собственный отчет поэтического пути.

Н. В. Гоголь вносил в осмысление Отечественной войны 1812 г. особую религиозную тональность. Так, он всегда помнил, что день его рождения (19 (31) марта) совпадал с днем торжественного вступления войск антинаполеоновской коалиции во главе с императором Александром I в Париж, и праздновал эти события. При этом, чтобы более глубоко понять значимость для Гоголя этого дня, нужно вспомнить, что при рождении Гоголя мать его, Мария Ивановна, дала обет перед Диканьским чудотворным образом святителя Николая, что если будет у нее сын, назвать его Николаем, – и просила священника молиться до тех пор, пока не сообщат о рождении ребенка. Тем самым, соединение начала своей жизни и победы в Отечественной войне 1812 г. весьма показательны для понимания особого значения данной темы в творчестве Гоголя, ведь в планируемом, но так и не завершеном втором томе «Мертвых душ» именно герои 1812 г. должны были стать духовно-

нравственными образцами, способными воскресить, по мнению писателя, «мертвые души» российского общества.

Ф. М. Достоевский родился в год смерти Наполеона и свой интерес к его личности и эпохе 1812 года вынес еще из детских впечатлений. Отец писателя принимал непосредственное участие в войне с Наполеоном, мать бежала из Москвы за несколько дней до вхождения туда наполеоновской армии, сам Достоевский в раннем детстве общался в госпитале, где служил отец, с ветеранами и русской и французской армий. Эти детские впечатления легли в литературные фиксации «наполеоновской темы» практически во всех его романах – «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», а также в «Дневнике писателя».

Лев Толстой как гениальный романист начинается именно с «Войны и мира», где тема «войны народной», Отечественной войны 1812 года является центральной.

Список литераторов можно продолжить и далее, но в целом можно аргументировано утверждать, что 1812 год становится «зерном» нашей литературы, дает необыкновенно мощный импульс к качественно новому этапу развитию художественно-словесного мировосприятия.

И прежде всего изменения произошли в восприятии общественным сознанием войны как метафизического и религиозного явления.

Традиции духовной интерпретации войны в древнерусской литературе и литературе Нового времени имели глубокие корни. Еще в средневековом сознании христианства война мыслилась как важный момент теофании, а участие индивида в войне как христомимезис. Так, у Августина Блаженного мы встречаем представление о поиске Града Божьего как войну с профанным пространством и временем. Неслучайно он называл духовенство *militia Christi, militia Dei* – не полиция, кстати! – т. е. воинство Христово, воинство Божье. Тема брани духовной, в частности, стояние на молитве – как участие в духовно значимой войне, встречаемая у Никодима Святогорского, Макария Оптинского, Онуфрия Молдавского и многих других святых отцов, лежит в основании христианского сакрального понимания войны.

В древнерусской литературе под влиянием этой традиции был создан уникальный жанр – житие, соединенное с воинской повестью, как это было, например, в агиографии, посвященной Александру Невскому или Дмитрию Донскому. Канонизация за свои воинские подвиги, за доблестную защиту Отечества, ситуация слияния воина и святого характерна именно для русского религиозного сознания.

Потому неслучайно война 1812 г. в литературном изображении обретает яркую сакральную тональность. Как когда-то в «Повести о битве на Калке» нашествие татаро-монгол было воспринято как исполнение апокалипсического пророчества, так и в начале девятнадцатого столетия русская литература характеризовала наполеоновское вторжение как «нашествие двенадцати языков», воспроизводя явно библейский контекст.

Показательна история обретения войной 1812 года имени Отечественная. Сам Наполеон называл ее «русская кампания» или вторая Польская война.

Однако русская литература дала четкое религиозное осмысление этому историческому вызову – «Отечественная война». Впервые данное название фиксируется в труде Михайловского-Данилевского в 1839 году. И это не просто метафорическое название, это четкая дефиниция особого понимания войны. Если предшествующие войны императорской России, войны Петра и «бабьего царства», как писал отец Леонид, можно воспринимать как государственные, формирующие преимущественно политические границы российского государства, то война 1812 г. сформировала духовные пространства русского народа. Неслучайно именно Гоголь говорил о том, что в кризисные моменты «география сливается и составляет одно тело с историей», и такой предстает Отечественная война 1812 года. Впервые за долгие столетия, с периода Смутного времени, опять приходит понимание, что не Государство, а само Отечество в опасности! И эти изменения чутко уловила русская литература.

Война 1812 года в ее изображении не война парадов, – это *bellum iustum* (*bellum iustum*), «справедливая война», война как подтверждение того, что Россия не забыта Богом. Василий Жуковский, Воейков, Денис Давыдов, Крылов, Батюшков, Пушкин, Лермонтов и многие другие литераторы 19 века дают глубоко религиозное изображение войны не только как освобожденности от мирного, но и от мирского, как высшей степени освобожденности.

Уникальность изображения Отечественной войны состояла в том, что ей посредством литературных произведений придавался сакрально-креационистский смысл. Эта война переводилась из формата разрушительного действия, каким являлись все иные войны, в религиозно-коллективный акт, отличающийся по своей природе от индивидуальных актов насилия. Знаковым в этом отношении, например, является изображение партизанского движения. Денис Давыдов, поэт и воин-партизан создал уникальную военно-полевую теорию, основанную на сближении солдата и офицера и оставил уникальное поэтическое наследие, вобравшее в себя дворянскую и народную языковую традицию. «Я на опыте узнал, – писал он, – что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но и приноравливаться к ней и в обычаях и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным». Обретение нацией единого языка – вот один из уникальнейших итогов Отечественной войны 1812 г. в вербально-идейном аспекте.

При этом война 1812 г. может рассматриваться как контр-аргумент против теорий, трактующих нации в качестве «воображаемых сообществ». Войны возникают всегда, но одновременно «здесь и сейчас», и типичные реакции нации на войну синхронны. Неслучайно так органично вошли обозначения Отечественная война для войн 1812 и 1941-1945 гг. Эти войны разделяет полтора столетия, но поведение нации оказывается идентичным. Нация «типично» реагирует на войну не только потому, что так поступали деды и дяди – слишком разные войны! – а в силу заложенных онто- и социо-архетипов, из которых и складывается национальное самосознание. В формате Отечественных войн нация актуализирует и свое прошлое и предопределяет свое будущее в драматической концентрации настоящего момента. Именно

поэтому, а в войну 1812 г. это проявилось в полной мере, нацию нельзя позиционировать как воображаемое сообщество, как некое фикциональное образование: нация обладает комплексом качеств, неизменяемых в своих основаниях, и неизменяемость эта метафизического характера, что чутко было схвачено русской литературой, религиозной, как уже отмечалось, по своему происхождению.

Яркой иллюстрацией тезиса о сакральном значении Отечественной войны может служить образ Наполеона в русской литературе. Демонизация этого образа четко прослеживается на протяжении всего девятнадцатого столетия: от гоголевского Чичикова, «переодетого Наполеона» и Раскольниковца, восклицавшего «Наполеон я или тварь дрожащая», до Марины Цветаевой, вставлявшей вместо иконы в ризу портрет Наполеона.

Восприятие Наполеона как Антихриста фиксируется именным указом Святейшего Синода от 6 декабря 1806 г., который гласил: «Неистовый враг мира и благословенной тишины, Наполеон Бонапарте, ... дерзает, в исступлении злобы своей, угрожать свыше покровительствуемой России вторжением в ее пределы... и потрясением православных, греко-российских Церкви во всей чистоте ее и святости... отложился он от Христианской веры, на сходбищах народных торжествовал учрежденными лжеумствующими Богоотступниками идолопоклонническими празднествами... В Египте приобщился он гонителям Церкви Христовой, проповедовал алкоран Магометов, ... и торжественно показывал презрение свое к пастырям Святыя Церкви Христовой. К вящему посрамлению оной, созвал во Франции Иудейския синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин еврейский...» и т. д.

Пушкин в «Евгении Онегине» прозорливо отмечал: «Мы все глядим в Наполеоны», подчеркивая стремление своих современников, словно замороженных фантастической судьбой французского императора, быть или казаться похожими на этого маленького великого человека. Неслучайно пушкинский Германн из «Пиковой дамы» имел «профиль Наполеона и душу Мефистофеля». Когда Гоголь говорил о том, что каждый человек выслуживает себе лицо, то сходством с Наполеоном, например, могли похвастать такие «мефистофельские личности» как декабристы, в частности Пестель, цитирую, «лицом очень походивший на Наполеона», или Муравьев-Апостол, о котором, по воспоминаниям, сам Наполеон при встрече в Париже, еще до войны 1812 года, воскликнул: «Кто скажет, что это не мой сын!».

Здесь же можно вспомнить отождествление Наполеона с Мессией, эпизод внесения его на руках Тюильрийский дворец, когда современник экзальтированно восклицал: «Те, кто нес его, были, как сумасшедшие... Мне казалось, что я присутствую при воскресении Христа»; вспомнить мистико-нумерологические аспекты восприятия образа Наполеона, восходящие к числу 666, в которое включали и возраст Наполеона в момент вторжения в Россию, и семь королей, поставленных Наполеоном, и десять народов, попавших под его власть и т. д. В литературной форме, как известно, это отражается в вычислениях Пьера Безухова, видящего в Наполеоне апокалипсического зверя.

Правда, в народной среде подобная демонизация Наполеона зачастую приводила к анекдотическим ситуациям. Так, на почтовой станции одной из отдаленных губерний в комнате смотрителя висел портрет Наполеона. «Зачем держишь ты у себя этого мерзавца?» – спросил у смотрителя проезжающий сановник. «А вот затем, Ваше превосходительство, – отвечает он, – что, если неравно, Бонапартий под чужим именем или с фальшивой подорожную приедет на мою станцию, я тотчас по портрету признаю его, голубчика, схвачу, свяжу, да и представлю начальству». В этот же ряд можно поставить уже первую из известных растопчинских афиш, – которую тоже можно рассматривать как народно ориентированное литературное произведение, где ее герой – целовальник Корнюшка Чихирин, без особых церемоний обращался к французскому императору со словами: «Полно демоном-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь!».

Спор о Наполеоне не прекращался в русской литературе на протяжении всего XIX века. Достаточно вспомнить позиции Достоевского и Толстого, представляющих разные точки зрения на «наполеонизм» как одно из масштабных течений общественного национального сознания.

Однако главным результатом Отечественной войны, зафиксированным русской литературой, можно считать появление нового понимания ответственности власти и народа. Если в императорской фамилии до 1812 года можно было услышать утверждение, что «война портит армию», то после нее вполне органичным становится заявление Александра Первого: «Господь шел впереди нас. Он побеждал врагов, а не мы!» При этом война 1812 г. изменила само религиозное миропредставление императора. Показательно его признание о том, что Евангелие, пусть по-французски, он открыл именно во время Отечественной войны.

Образ русского царя выступал убедительной антитезой образу Наполеона в произведениях Пушкина, Лермонтова, Толстого, Лескова и других писателей. Ведущим мотивом в изображении царя становится, как правило, тема высшей справедливости. Когда мы говорим сегодня о запросе на справедливость, на необходимость построения справедливых отношений между властью и народом, необходимо помнить урок, который давала русская литература, повествующая о войне 1812 года и раскрывающая новый контекст этой справедливости – сакральный, метафизический, духовный.

Александр I в Вильне 25 декабря 1812 г. подписал манифест, в котором говорилось о «спасении России от врагов, столь многочисленных силами, сколь злых и свирепых намерениями и делами», что свидетельствовало о «явно изливаемой на Россию благодати Божией». На памятной медали в честь 1812 г. царь повелел отчеканить: «Не нам, не нам, а имени Твоему!». Русская литература, своими истоками восходящая к христианству, изображая Отечественную войну 1812 г., в полной мере продолжала и развивала эту традицию духовно-эстетического преобразования общества. Видимо, в этом и заключается главная задача подлинно национальной литературы, а достижение этой цели может быть осуществлено только в союзе всех здравомыслящих общественных сил.